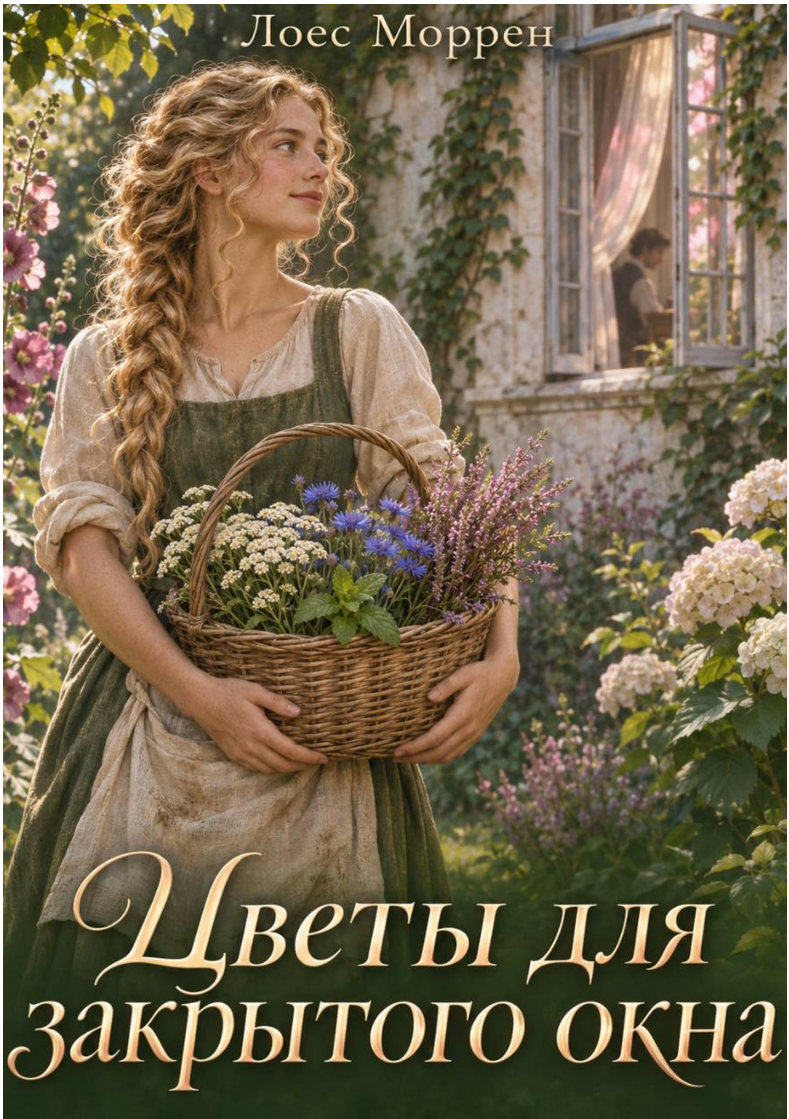

Лоес Моррен
Цветы для закрытого окна

Лоес Моррен
Цветы для закрытого окна

https://litres.ru/74827539
SelfPub; 2026

Аннотация

Я постучала в дверь графа Генри, чтобы продать корзину лесных цветов. Он купил все букеты, велел отнести их на могилу своей невесты и скрылся за занавеской. А через несколько дней пригласил меня на обед. Стол мне накрыли в саду, ему — в гостиной. Так мы и познакомились по-настоящему, передавая друг другу солонку через подоконник.

Я мечтала о собственной цветочной лавке и привыкла считать каждый медяк. Теперь я считала дни до наших встреч. Мы читали вслух, спорили из-за книжного героя, и однажды Генри набрался смелости пригласить меня на танец прямо у порога.

А потом я услышала Лилию. На рассвете её голос всё ещё звучал в саду, у старого шлюза. Когда нашей деревне понадобилась вода, выяснилось, что открыть шлюз можно, лишь перерезав корень куста, который хранит её голос.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Лоес Моррен
Цветы для закрытого окна

Глава 1

К тому часу, как солнце добралось до верхушек сосен, у меня набралось цветов на восемь букетов и расходов приблизительно на шестнадцать. Я присела у края прогалины, затянула бечёвку на последней охапке и снова сосчитала, сколько смогу выручить. Если на ярмарке не пойдёт дождь и сборщик не потребует плату за проход по двум рядам вместо одного, вечером у матери прибавится денег к оброку, а у меня хватит на хорошую подошву.

Подошву я собиралась заменить с весны, но тогда отцу понадобилось новое лезвие для заступа. В июле куры повадились клевать собственные яйца, и мать купила им толчёной скорлупы, хотя отец предложил для начала прочесть им проповедь о бережливости. Теперь сквозь правую сандалию я чувствовала каждый камень, зато левая ещё могла бы послужить человеку, которому некуда спешить.

Утром отец ушёл на баронские поля с двумя клиньями в кармане и половиной вчерашней лепёшки. Разболтались доски на переходе через поливную канаву, и по этому переходу люди каждый день носили мотыги и вёдра. Мать суну-

ла ему вдогонку вторую половину, а потом вынула из комода мешочек для оброка и рассыпала медяки по столу, чтобы отделить тёмные, которые управляющий любил взвешивать по одному.

— Вечером принесу свою долю, — пообещала я, пока она смахивала монеты обратно в мешочек. — Добавишь к этим, а там останется всего два ярмарочных дня до срока. Если пойдёт торговля, ещё и муку купим.

— Муку я возьму у мельничихи до субботы, — сказала мать и потёрла ногтем самую тёмную монету, словно надеялась добыть из неё блеск. — Ты лучше покажись сапожнику, у тебя правая лямка совсем растянулась. Вчера на пороге я чуть не наступила на неё, хотя ты уже была во дворе.

Смешно, но я переспросила, точно ли речь о правой, и ушла прежде, чем мать велела мне снять обе сандалии и показать подошвы. В сухом месте под моей кроватью стояла жестянка, в которой я копила на первый рыночный стол. Расценки я знала наизусть и могла часами прикидывать, какую охапку поставлю ближе к краю, если однажды смогу разложить товар перед собой, а не на сгибе локтя.

Накануне покупательница посоветовала собирать приданое, пока есть кому на меня засматриваться. Она сказала это ласково и даже выбрала самый дорогой букет, а я, пока отсчитывала сдачу, вспомнила Томаса, чья мать держала хлебную печь на краю нашей деревни. У него были красивые руки, и однажды он шёл за мной до опушки, чтобы вернуть

платок, который я уронила с большим старанием.

Когда Томас пришёл свататься, я спросила, по каким дням у них обычно топят печь, чтобы прикинуть, успею ли на рынок. Он решил, что я шучу, погладил меня по пальцам и сказал, что замужней женщине незачем ходить по столице с корзиной. Потом назвал меня своей птичкой и хотел поцеловать на глазах у родителей. Мы расстались у калитки, а платок я после выстирала и теперь оборачивала им стебли, чтобы дольше оставались влажными.

На дне корзины лежали веточки мяты, собранные для дома, и самый пышный букет я уложила поверх них. Я прикинула, сколько букетов связывала бы за утро, будь у меня свой прилавок. Восемь я могла связать и сейчас, но, чтобы продать больше, пришлось бы дважды сходить в лес или нанять кого-нибудь в помощь.

С прогалины я свернула на лесную дорогу и у первого же поворота наступила на острый кремень. Пятку обожгло, а когда я остановилась и сунула палец под лямку, на коже блеснула кровь. До столицы было так далеко, что угольщик успел бы разгрузить телегу у кузнеца и вернуться в лес, пока я добралась бы до городских ворот.

Я искала глазами сухой пень, чтобы сесть и перевязать пятку, когда за деревьями увидела белую стену и красную крышу. За низкой оградой ходили коровы, у конюшни сохли вычищенные попоны, а в круглой клумбе у ворот росла одна только зелень. Кто-то потратил немало сил, чтобы перед

домом не было видно ни сорняка, и мне захотелось узнать, сколько этот человек отдаст за то, чтобы там появился хоть один цветок.

Я вытащила из-под букетов платок, оторвала от края полоску и подложила её под лямку. На дворе пахло тёплой соломой, хотя к полудню с леса обычно тянуло прохладой. До двери я дошла, успев придумать, что скажу о свежести цветов, о цене и о том, как хорошо они будут смотреться на обеденном столе. Оставалось дождаться, чтобы меня кто-нибудь выслушал.

Я расправила передник, стряхнула с него рыжую пыльцу и ударила дверным кольцом. В глубине дома отозвалось эхо, потом всё стихло, и я принялась разглядывать бронзового зверя, державшего кольцо в зубах. Со второго взгляда он оказался львом, хотя столь сердитую морду я прежде видела только у нашей козы, когда ей пытались стричь копыта.

После второго стука я услышала скрип, но обернулась напрасно: приоткрылась всего лишь дверца конюшни. Я уже примеривалась, как удобнее донести корзину до города, когда из-за угла вышел седой мужчина с охапкой поленьев. Одно полено выскользнуло у него из рук, и он носком сапога откатил его к ступеньке. Потом спросил, к кому я пришла.

— К тому, кто выбирает, что поставить на стол, — ответила я, подбирая полено, которое он откатил к ступеньке. — У меня свежие цветы, с утра собранные. Если в доме обедают, я могла бы подобрать букет, который не перебьёт запах еды.

— В доме обедают, и за одно это я иной раз благодарю всех святых, — сказал он, принимая полено. — А цветов нам сейчас не требуется. Если надо передохнуть, у конюшни есть скамья, и я могу принести вам воды.

Скамья мне была кстати, но не хотелось занимать её на виду у целого дома, стягивать сандалию и потом снова просить, чтобы мне дали пройти к воротам. Я поблагодарила его и передвинула корзину повыше на локте. Тут в нижнем окне, куда только что падало солнце, отъехала в сторону занавеска.

За стеклом стоял молодой мужчина в белой рубашке, с незастёгнутым воротом и тёмными волосами, помятыми на виске. У него было красивое лицо, особенно когда он приподнял брови, словно я застала его посреди спора, в котором он собирался победить. Мы посмотрели друг на друга, и мне показалось, что он хочет заговорить. Я невольно шагнула к окну, а он отпрянул так резко, что занавеска качнулась, ударившись о стекло.

— Простите, я, кажется, помешала, — сказала я седому мужчине, который успел сложить дрова на крыльце. — Если в другой день понадобятся цветы, на ярмарке меня можно найти у переплётчика. Там проход узкий, я обычно держу корзину над головой, чтобы никого не хлестнуть стеблями.

Я успела сделать два шага к воротам, прежде чем за спиной щёлкнула щеколда. На пороге стоял тот самый человек, теперь с рукой на медной ручке, будто даже открытой двери он не доверял до конца. Вблизи стало видно, что у него на

манжете чернильное пятно. Он поймал мой взгляд, опустил руку вдоль тела и тут же снова взялся за ручку.

— Патрик, о чём вас просила гостья? — спросил он, и я впервые расслышала его голос. — Я видел, как вы с ней разговаривали. Вы собирались проводить её до ворот, или мне показалось?

— Она принесла цветы, господин граф, — ответил Патрик, терпеливо поднимаясь на одну ступеньку. — Я помнил вашу просьбу не беспокоить вас из-за торговцев. Признаюсь, за последние месяцы вы так часто её повторяли, что я выучил даже то, как вы вздыхаете в конце.

У графа дрогнул уголок рта, и я уж подумала, что он засмеётся. Но он посмотрел на мою корзину, задержал взгляд на белых цветах у ручки, и велел купить всё. Потом помолчал, словно вторую половину распоряжения ему надо было произнести на людях впервые, и попросил Патрика отнести цветы на могилу Лилии.

— Какие цветы она любила? — спросила я, прежде чем успела подумать, что меня сюда никто не звал. — Белые лучше держатся в тени, а вереск простоит и на солнце. Если я приду в другой раз, могу принести то, что ей нравилось.

Он поднял глаза и на мгновение крепче сжал ручку. Я ждала, что он назовёт какой-нибудь совсем обыкновенный цветок и мы наконец заговорим как покупатель и продавщица, но он отступил в тёмную прихожую и закрыл дверь. На сей раз я услышала, как сел на место засов.

— Простите, Патрик, — сказала я, убирая выбившийся стебель обратно под бечёвку. — Надо было сперва спросить вас. Бывает, человек сам рассказывает, кому берёт цветы, и я решила, что ему тоже будет легче выбрать.

— Вас ему прощать не за что, — ответил Патрик, глядя на дверь с таким изумлением, словно она ещё могла открыться. — Я уж и припомнить не могу, когда граф Генри сам выходил к человеку, которого прежде в глаза не видел. Давайте-ка сюда корзину, только сперва скажите, сколько я вам должен.

Цену я назвала ту же, какую собиралась просить в столице, со скидкой за восемь букетов сразу. Патрик выслушал меня, вынул из кошеля серебряную монету и добавил к ней два медяка. Я пересчитала деньги на ладони и решила, что он либо ослышался, либо никогда в жизни не покупал цветов дешевле серебряного.

— За все букеты выйдет меньше, — сказала я и показала ему пальцем, где ему полагается забрать лишнее. — Мята на дне вовсе не в счёт, я её собирала для матери. Могу и её оставить, только столько она всё равно не стоит.

— Монета за букеты и дорогу, — сказал Патрик, а два медяка подвинул ногтем ближе к моим пальцам. — Эти за бечёвку и за то, что мы задержали вас после отказа. Из города к нам неблизко, а обратно, судя по вашей походке, вышло бы ещё дальше.

— Я шла из деревни, — объяснила я, чувствуя, как глупо торговаться за собственный убыток. — Цветы собирала в

лесу, а на ваш дом вышла случайно. Если придётся отчитываться графу, не считайте дорогу от столицы.

— Тогда объясню, что мы купили восемь букетов, когда не собирались брать ни одного, — ответил Патрик. — За такой поворот дела я и сам, пожалуй, накинул бы продавцу два медяка. Если вы всё же хотите оставить мяту, скажите, что с ней делать, а то у меня в хозяйстве найдётся человек, который положит её в суп и ещё попросит похвалить.

Я посоветовала ему заварить её или положить в воду с мёдом и выложила букеты на чистую скамью под окном. Две веточки мяты всё-таки забрала, потому что мать ждала их к вечеру, а остальные сунула под бечёвку первого букета. Над скамьёй снова шевельнулась занавеска. Генри мне было видно лишь наполовину, зато та половина его лица, которую он не успел спрятать, больше не хмурилась.

Я улыбнулась ему, на этот раз вполне намеренно. Он моргнул, чуть приподнял руку к стеклу и тут же убрал её вместе с собой, так что мне осталась белая полоска занавески и догадка, что он мог просто потянуться за шнуром. Я подхватила опустевшую корзину и до ворот прошла почти ровно. На дороге пришлось вспомнить о пятке, зато теперь у меня были деньги, чтобы заняться ею как следует.

Сапожник сидел у открытой двери мастерской и шил детский башмачок, поставив ногу на колодку, чтобы она не качалась. При виде меня он выудил из-под верстака два обрезка кожи и положил рядом на скамью. Оказалось, ещё три дня

назад он заметил мою подошву, потому что наступила я тогда на его порог так осторожно, будто крала у него яйца.

— У вас и подходящая кожа нашлась, — сказала я, отдавая ему правую сандалию. — А если я заплачу и за лямку, вы обещаете никому в деревне не рассказывать, какой толщины у меня была подошва? С меня и дома спросят, почему я ходила в ней до последнего.

Сапожник поднёс сандалию к глазам и повернулся к двери. Он объявил, что, раз уж может различить сквозь подошву курицу на другом конце двора, называть её толщину было бы нечестно. Потом принялся за дело, а мне велел сесть и доесть хлеб, который я сама у себя обнаружила в кармане.

Под его молотком дело спорилось, и скоро он подал мне сандалию с новой подошвой и мягкой лямкой, которая обходила ранку. Я прошлась от двери до верстака, попробовала подняться на носки и вспомнила несколько шагов, которым он же учил меня маленькой, когда на деревенских гуляньях ещё играл на скрипке. На втором повороте я едва не задела корзиной его табурет, зато пятка больше не горела, и от радости я повторила весь кусок сначала.

— Левой заходи шире, иначе снова уронишь мне мебель, — сказал сапожник и похлопал, когда я всё-таки притопнула точно в такт его счёту. — Если потанцуешь у ворот, позови мою жену, ей нравится смотреть, как люди радуются после того, как мне заплатили. А эту старую лямку забирай, если тебе всё ещё нужна полоска для перевязки.

Я расплатилась и выбрала мягкую часть лямки, выбросив остальное в ведро у порога. До дома я пошла длинной дорогой, через мостик над деревенской канавой, просто потому, что могла себе позволить ещё немного ходьбы. Я решила, что в следующий раз сразу назову цену за цветы и попрошу отдельно заплатить за доставку. И, что было приятно, ни одной монеты из сегодняшней выручки я не отдала ярмарочному сборщику.

С мостика я заглянула вниз и увидела между камнями столько воды, что её едва хватило бы вымыть сапожный молоток. Мимо прошёл сосед с пустыми вёдрами, кивнул на канаву и сказал, что нынче проще сходить к колодцу, чем дождаться своей очереди у потока. Я недолго постояла на мостике, проверяя, как новая подошва гнётся на носке, и поспешила домой узнать у отца, есть ли вода выше по канаве.

Отец вернулся перед самым ужином, с мокрыми рукавами и сухими сапогами. Он сказал, что для починки перехода пришлось лечь на берег и подать доску снизу, так что вода добралась только до локтей, а сапоги удалось спасти. Мать велела ему снять рубаху и принесла другую, ещё тёплую с верёвки, а я выложила свою долю выручки на стол, подальше от миски с горячей похлёбкой.

— Это за сегодня, — сказала я и придвинула к ней ещё и мяту, у которой к вечеру подвяли самые тонкие верхушки. — Я продала все восемь, причём сразу. До ярмарки не дошла, зато у нас теперь есть деньги на оброк, а от старой

лямки осталась хорошая перевязка для букетов.

Мать отложила ложку, сосчитала монеты и попросила рассказать всё с начала. Ей особенно понравилось, что Патрик заплатил за дорогу. Потом она поинтересовалась, зачем хозяин купил разом столько цветов. Я рассказала про распоряжение графа, про Лилию и про дверь, которую он захлопнул прежде, чем я успела услышать ответ.

— Погоди, это дом с красной крышей за старой просекой? — спросил отец, вылавливая хлебом луковицу из похлёбки. — Мы, ещё когда я только пришёл работать на поля, чистили их обводной канал. Там пришлось по колено в воде вытаскивать брёвна из-под каменного шлюза, и за два дня я так и не выяснил, кто додумался эти брёвна туда спустить.

Мать сказала, что он, как всегда, запомнил брёвна лучше людей. Отец подумал и признался, что лет двадцать назад мог бы назвать по имени хотя бы человека, принёсшего им обед, потому что тот забыл ложки. Графа Генри он знал только по имени, а про Лилию никогда не слышал. Зато мог показать, где старый отвод спускался к нижним садам, если кому-нибудь вздумается пойти по лесу и наломать себе ног.

— Вы сегодня там и были? — спросила я, вспомнив соседа с пустыми вёдрами. — У мостика воды совсем мало. Я давно такого не видела, даже когда пастбище по ту сторону высыхало.

— Мы с соседями расчистили нижнюю часть канавы, куда нас ещё пускают, — ответил отец и вытер большим паль-

цем край миски. — Шёл бы поток, ему бы сейчас ничего не мешало. Завтра снова поднимусь посмотреть, может, выше кто-нибудь навалил веток или подпер воду для себя.

После ужина отец сходил за свежей водой, мать убрала деньги в комод, а я на цыпочках отнесла остаток к себе. Жестянка под кроватью отозвалась на монеты слишком громко, и я обернулась, хотя дверь была закрыта. Восемь букетов за один визит значили, что завтра я могла связать ещё восемь и понести в город, а если графу понадобятся цветы и дальше, откладывать на стол выйдет быстрее, чем я рассчитывала.

Я вытянулась под простынёй и принялась мысленно отбирать стебли к утру. Через несколько минут обнаружила, что перебираю их уже у воображаемого окна и всё жду, когда за занавеской появится лицо. Генри смотрел на меня недолго, а я всё помнила, как он отпрянул от окна, когда я шагнула к нему. Мне хотелось спросить, зачем он всё-таки открыл дверь, если ему так трудно было просто стоять у неё.

Где-то за стеной затрещала половица, отец принимался на ночь запирать заднюю дверь. Засов проскрежетал, как у графа дома, когда тот закрыл дверь. К утру я решила, что смогу зайти в имение с одним букетом и, если его не купят, всё равно успею к началу торговли.

На прогалине я нашла ещё немного белого тысячелистника и срезала несколько прямых стеблей вместе с вереском. Для кладбища я выбирала по тому, что дольше держится на ветру и солнце, хотя так и не знала, под деревом ли могила

Лилии. Я обвила стебли мягкой кожаной полоской и затянула двойной узел, чтобы букет не рассыпался по дороге к могиле.

Патрик стоял во дворе и чистил садовые ножницы, придерживая камнем раскрытую книгу. Увидев меня, он убрал ножницы и захлопнул книгу, забыв вынуть камень. Он оглядел букет и сказал, что хотел послать за мной в деревню, да не знал, в какую.

— В ту, что ниже по канаве, — ответила я, поставив корзину на скамью. — А зовут меня Салли, вчера мы с вами так и не познакомились. Вот, я принесла для Лилии тысячелистник с вереском, они и на ветру простоят.

— Генри собирался на ней жениться, — сказал Патрик и наконец убрал камень со страницы. — Она погибла пять лет назад, а цветы ей всё это время носил я. Если будете приходить, выбирайте, что найдёте по сезону, она в этом смысле была человеком покладистым.

Он произнёс это так буднично, словно говорил о затянувшемся лете. Но Патрик провёл ладонью по помятому уголку страницы и замолчал. Мой вчерашний вопрос у дверей, который я задала почти машинально, теперь казался мне гораздо больше тех двух слов, на которые я рассчитывала в ответ.

— Вы сказали, что собирались за мной послать, — напомнила я, когда Патрик убрал книгу со скамьи и освободил для меня место. — Вам нужны цветы сегодня или вы думали и о следующей неделе? По ярмарочным дням я бы хотела оста-

вить себе время для города.

Патрик предложил приносить по одному букету через день, а если я захочу взять заказ вдобавок, он спросит загодя. Я назвала цену за цветы и отдельно за доставку, хоть до скамьи у окна мне теперь было идти совсем легко. Мы прошлись по дням на пальцах и условились для начала попробовать неделю. Если день доставки совпадёт с ярмарочным, Патрик обещал встречать меня у развилки, чтобы я не сворачивала с пути.

— Что ж, эту цену я и запишу, — сказал Патрик и раскрыл книгу на чистом краю страницы. — А сегодня могу отнести цветы сразу, если вы оставите мне перевязь. Мне кажется, я и без ножниц умею испортить всё, что было связано покрепче.

Он взял букет обеими руками и ушёл по дорожке, которая огибала дом. Я задержалась у скамьи проверить, не выпал ли из корзины нож. Нож был на месте, под чистой тряпицей. Я уже потянулась за ручкой корзины, когда створка надо мной чуть приоткрылась.

— Мяту, — сказал Генри из-за стекла. — Лилия любила мяту, хотя все дарили ей лилии. Она однажды заставила меня открыть окна посреди дождя, потому что я привёз ей целую охапку и к вечеру сам уже не мог выносить их запаха.

Я подняла голову и увидела, что занавеска на этот раз была отведена совсем. Генри стоял чуть в стороне от окна, и в голосе у него ещё слышалась та осторожность, с какой он вчера произнёс имя Лилии, но на словах о дожде он почти

улыбнулся. Я вспомнила веточки, которые сунула в первый букет, и сказала, что, выходит, вчера случайно ей угодила.

— Патрик нашёл мяту, когда расставлял цветы, и принёс мне показать, — ответил Генри. — Я ещё удивился, что вы угадали, а потом понял, что так и не ответил вам с порога. Вы ведь спросили меня, и я мог бы тогда просто сказать.

— Теперь я знаю, что добавить в следующий букет, — сказала я и подхватила корзину, но держала её у ноги, не собираясь пока уходить. — И ещё кое-что хотела спросить, раз уж мы заговорили о цветах. А какие любите вы?

Он посмотрел на меня внимательнее, чем накануне, и я увидела, что у него на самом деле серые глаза, хотя за закрытым стеклом они казались тёмными. Он наклонился к щели в окне, чтобы сказать что-то, и передумал, но на этот раз остался на месте. Я опустила глаза к корзине, чтобы он не заметил, как широко я улыбаюсь.

— Дайте подумать, Салли, — сказал он, и от того, как легко у него вышло моё имя, я вскинула голову. — Я слышал, как вы представились Патрику. Если вы придёте послезавтра, у меня, возможно, будет ответ.

Я сказала, что послезавтра буду здесь, и пошла к воротам, почти уверенная, что за спиной сейчас скрипнет оконная рама. У самого выхода я обернулась, однако Генри всё ещё стоял за приоткрытой створкой и смотрел во двор. Я подняла корзину на прощание, он ответил коротким кивком, и только на лесной дороге я вспомнила, что ни разу за всё утро не

посмотрела под ноги.

Глава 2

Послезавтра я пришла к Генри с вереском, мятой и одним васильком, который рос у межи и остался цел, хотя накануне там прошли жницы. Я заткнула его за перевязь, чтобы не помять лепестки, и по дороге несколько раз проверила, на месте ли он. За окном никого не было, и я успела перебрать цветы и пожалеть, что оставила василёк на виду, прежде чем створка открылась.

— Васильки, — сказал Генри так поспешно, что первые слова, которые я приготовила, разом вылетели из головы. — Вы дали мне подумать, и я подумал. Отец, когда водил меня в поля, всегда приходил домой с васильками на сапогах, потому что до самой межи шёл, глядя на жаворонков.

— Значит, я опередила вас на один цветок, — сказала я и вынула стебель из-под перевязи. — Я положила василёк отдельно, на случай если вы выберете его. Теперь, пожалуйста, возьмите, пока я не призналась, что дома собиралась поставить его в чашку и любоваться сама.

Генри высунул руку и ухватил стебель у самых моих пальцев. Мне было видно, что он ищет глазами, куда поставить цветок, и в конце концов он опустил его в чернильницу, которая, к нашему общему облегчению, оказалась пустой. Патрик вышел за букетом для Лилии, а я уже знала, что, когда пойду обратно через двор, непременно посмотрю, стоит ли

ещё василёк на окне.

За первую неделю я выучила два пути к имению и поняла, что идти в обход было не дольше, чем карабкаться через поваленную сосну на короткой тропе. Длинный шёл вдоль межи, потом огибал лощину и позволял нести корзину прямо, сколько бы цветов я в неё ни уложила. В ярмарочный день у развилки меня ждал Патрик, а в остальные дни при звуке моих шагов открывалось окно, иногда раньше, чем я успевала поставить корзину на скамью.

К концу недели я задержалась у лощины, заметив под веткой шмеля, который никак не мог выбраться из паутины. Пока я высвобождала шмеля травинкой, солнце успело перебраться с ворот на крыльцо. У окна Генри спросил, размыло ли дорожку после вчерашнего дождя, и я с удивлением поняла, что он заметил, на сколько я опоздала.

Патрик принял у меня букет и ещё до того, как я подняла с лавки корзину, вложил мне в руку свёрток. Внутри было серебро, столько я просила бы за три доставки. Патрик сказал, что граф велел впервые после пробной недели заплатить самому и завернул деньги загодя, пока никто не подсказывал ему цену.

Я села на скамью, вытащила из корзины листок, на котором вела счёт, и огрызок карандаша. Вчерашний вечер я потратила на то, чтобы убрать из расчёта сборщика, прибавить дорогу и понять, сколько смогу откладывать с каждого визита. Я отсчитала лишнее, завернула обратно и поднялась к

окну, держа деньги и лист на открытой ладони.

— Один букет, одна доставка, вот эта строка, — сказала я, когда Генри наклонился ближе. — В пробную неделю было ровно столько же, Патрик всё записал. Я взяла заказ потому, что могу заранее посчитать, сколько заработаю, даже если весь ярмарочный день просижу под навесом из-за дождя.

— Я прибавил за то, что вам приходится собирать цветы и для нас, и для торговли, — ответил Генри, держа лист за дальний угол. — Патрик говорил, сколько стоит букет, а мне показалось, что он назвал цену за траву, которую подбирают по дороге. Я бы за такую цену, пожалуй, даже до конюшни не дошёл.

— Траву тоже нужно знать, где искать, и это уже в цене, — сказала я, разглаживая пальцем сгиб на бумаге. — Если захотите больше цветов, скажите, к какому дню и какие нужны. А пока у меня есть один постоянный заказ, и я дорожу им как раз потому, что каждый раз буду приносить одно и то же и получать столько, сколько вы мне пообещали.

Генри ещё раз перечитал цифры, взял свёрток и внёс верную сумму в выведенную им самим строку. Потом поставил подпись, удивительно мелкую для человека, у которого на одном пальце помещался перстень с камнем величиной с лесной орех. Он задержал лист у себя, и я увидела, как у него на лице отразилось то самое колебание, которое я уже знала по движению занавески.

Он вернул мне бумагу, сложив пополам, и подозвал Пат-

рика, который ещё возился у скамьи с распустившейся бечёвкой. Внизу, под подписью, стоял вопрос, останусь ли я сегодня к обеду. Я подняла голову, Генри взялся за раму, а Патрик посмотрел с одного на другую и сказал, что, если я согласна, ему велено накрыть с обеих сторон окна.

Утром я съела краюху хлеба, пока мать грела вчерашнюю кашу, и ушла с мыслью, что вернусь к полудню. К тому времени, как Патрик закончил говорить, во дворе запахло жареным луком, и я согласилась прежде, чем придумала, как следует отвечать графу на приглашение обедать под открытым небом. Генри успел сказать, что очень рад, и на этом вся наша учтивость пока иссякла.

Патрик вынес узкий стол, который можно было поставить прямо под окном, и придвинул стул боком, чтобы я могла видеть Генри, не поворачиваясь после каждого глотка. Внутри граф подтащил собственный столик к подоконнику и поначалу так высоко выставил тарелку, что мне было видно только его подбородок. Патрик вошёл в дом, что-то отодвинул, и Генри вновь показался целиком, теперь с салфеткой на коленях и выражением человека, который приготовился к очень трудному разговору.

— Удобно ли вам сидеть, госпожа Салли? — спросил он, когда Патрик ушёл за хлебом. — Патрик отыскал самый прочный стул из тех, что можно вынести без помощи второго человека. Если он качается, непременно скажите, у нас в доме достаточно книг, чтобы подложить что-нибудь под каж-

дую ножку.

— Стул стоит смирно, я его уже испытала, — ответила я и ухватила угол скатерти, который ветер поднял мне навстречу. — Вот скатерть, кажется, хочет пересесть к вам. Подождите, ещё немного, и я вместе с ней угощу вас своим обедом.

Я прижала ткань локтем, другой рукой подтянула к себе край тарелки, а ветер успел перевернуть салфетку и унести её под скамью. Пока я пыталась дотянуться за ней носком, Генри поставил свою чашку на ближний угол скатерти, высунувшись так далеко, что плечом задел раму. В наступившей тишине он спросил, не вижу ли я на его столе солонки, и я посмотрела на белый горшочек, который всё это время удерживал дальний угол.

— Она у меня, — сказала я и подперла скатерть блюдом с хлебом, чтобы протянуть солонку через окно. — Патрик, видимо, оставил её сторожить мою тарелку. Верните, пожалуйста, когда посолите, иначе придётся посадить на угол кого-нибудь потяжелее.

Генри попробовал ответить с той же важностью, с какой заговорил о стуле, и вдруг рассмеялся так, что часть соли просыпалась на подоконник. Я тоже засмеялась и смахнула соль в ладонь, пока он возвращал мне горшочек, придерживая крышку пальцем. Потом Генри переставил чашку, я заправила угол скатерти под край блюда, и обед наконец стал похож на тот, за которым люди садятся вместе, потому что

хотят поговорить.

Он спросил, зачем я ношу цветы к переплётчику, если люди идут туда за книгами. Я объяснила, как много на ярмарке покупателей, которым приходится ждать, пока им подошьют оторванные листы или завернут тетради в бумагу. Порой человек стоит с поджатыми губами, пересчитывает деньги, а через четверть часа уходит с букетом, потому что за это время вспомнил, к кому вечером обещал зайти.

Я рассказала про мальчика, который четыре недели подряд спрашивал цену, пока наконец не набрал столько, чтобы купить матери три стебля, и потом выбрал ровно один, чтобы у него осталось и на пряник. Генри спросил, что я ему отдала, и я призналась, что сперва дала один, а после дождя, когда мне всё равно надо было спасать подмокшие цветы, отнесла его матери остальные. Он сказал, что теперь понимает, почему мне приходится так тщательно записывать выручку, и осторожно подвинул ко мне хлеб, выжидая, рассмеюсь ли я.

— Будь у меня прилавок, я могла бы поставить рядом дешёвые стебли и готовые букеты, — сказала я, обламывая тёплую корку. — Пока я ношу всё понемногу, и покупатели видят только то, что сверху. А когда накоплю на свой угол, смогу держать вёдра с водой в тени, брать заказы на свадьбы и, может быть, поставить две полки, чтобы можно было прийти за цветами даже в дождь.

Дома мать на слове «свадьбы» непременно спросила бы, чью я справляю первой, а отец захотел бы знать, во что мне

обойдутся полки. Генри оставил тарелку, посмотрел на мои руки, которыми я уже отмерила над столом ширину будущего прилавка, и дождался, пока я дойду до своей самой смелой мысли о лавке с большим окном. Потом он спросил, с какой стороны мне хотелось бы, чтобы в это окно падал свет, и я придвинулась к подоконнику, хотя тарелка давно опустела.

Я выбрала бы окно, куда солнце заглядывает с утра и уходит прежде, чем покупатели начинают жаловаться на жару. Генри предложил поставить прилавок боком к стеклу и показал, как тогда ляжет тень от рамы, приложив к подоконнику узкую книжку, которую до тех пор держал возле локтя. У книжки была отслаивающаяся кожа на корешке и тёмные от пальцев углы, и я узнала её по кораблю, вытисненному на обложке.

— «Три прилива до Норра», — сказала я, и Генри поддел обложку ногтем, чтобы проверить, действительно ли на ней ещё можно разобрать название. — У переплётчика была такая же, только с выцветшей обложкой. Он вклеил страницы вверх ногами, и мне приходилось переворачивать корабль, чтобы читать.

Я выучилась читать по тонким книжкам, которые мать покупала у разносчика по одной за ярмарку и складывала под мешочки с сушёным укропом, чтобы младшие дети по соседству не растащили листы. Там были сказки про мельников, два письма к неизвестной вдове и стихи, которые я долго принимала за наставления по варке варенья. Историю о

Норре переплётчик дал мне на неделю за букет для своей жены, и я читала её днём у окна, а вечером на пороге, пока различала буквы.

— И до чего дошли? — спросил Генри, оставив палец между страницами. — Я читал её лет в двенадцать и помню, что тогда мне страшно хотелось построить корабль. Сейчас я дошёл до острова, и меня больше всего занимает, за сколько времени эти двое умудрятся лишиться последней лодки.

— До острова ещё не дошла, — ответила я, придвигаясь к подоконнику. — Вечером перед ярмаркой уснула на той странице, где они считали оставшиеся сухари. Утром пришлось отдать книгу, её уже обещали дочери городского лекаря.

Генри протянул мне том и открыл страницу на середине. Между строк лежал засушенный стебель овса, к которому прилипла крошка воска, и я подставила ладонь, чтобы он не выскользнул на землю. Генри сказал, что даст мне книгу дочитать дома, если сейчас я закончу вслух страницу, на которой он остановился.

Я пересела на скамью, потому что даже с ладонью под книгой мне оказалось трудно одновременно держать её на весу и разбирать тесные строчки. Первые две я прочла таким голосом, каким на рынке объявляла цену в присутствии сборщика, и Генри чуть наклонил голову, прислушиваясь. Постепенно я забыла, что он смотрит, и добралась до места, где старый рулевой заподозрил юнгу в краже сухарей и решил

обыскать его прямо перед капитаном.

Сухари нашлись в кармане самого рулевого, и он объявил, что спрятал их там от возможного вора. На ответе юнги я поперхнулась смехом и вместо того, чтобы дочитать, дважды произнесла начало фразы. Генри договорил за меня, понизив голос, как подобало человеку, который только что попросил обыскать ещё и второй карман, чтобы найти украденную совесть.

Когда мы отсмеялись, я обнаружила, что сижу под самым окном и держу книгу раскрытой так, чтобы Генри тоже видел строки. Снаружи затих ветер, и я слышала, как он тихо повторял про себя последнее прочитанное слово, прежде чем перевернуть страницу. Теперь его очередь читать казалась такой же естественной, как когда он подвинул ко мне блюдо с хлебом.

— Юнга свернёт к маяку, — сказала я, когда мы добрались до развилки на острове и Генри наложил руку на строчки, чтобы я не подсмотрела. — Там можно подняться повыше и понять, где пристала лодка. А за холмом, судя по описанию, он опять завязнет в болотах и останется без сапог.

— Он пойдёт в низину за рулевым, — возразил Генри и закрыл книгу на той же странице, оставив закладку чуть наискось. — Ему интересно, куда делись остальные сухари. Про сапоги я забыл, а вы правы, у юнги они единственные. Если теперь он свернёт к маяку, буду считать, что вы ему подсказали.

Я показала из-под скамьи правую сандалию и объяснила, что заинтересовалась судьбой чужой обуви совсем недавно. Мы договорились читать по очереди, пока не выяснится, кто прав, и Генри оставил книгу у себя, пообещав не заглядывать дальше. На завтра у меня не было заказа для имения, но я всё равно собиралась в столицу отнести заказ переплётчику. Я пообещала, что на обратном пути загляну и принесу хлеб, если он позаботится о солонке.

На следующий день я купила в столице две лепёшки и положила в корзину, где ещё пахло цветами для переплётчика. Патрик, встретив меня у ворот, показал на гостиную и сказал, что книга лежит на подоконнике уже часа два, так что при необходимости он заранее готов свидетельствовать, что её никто не открывал. Я прошла мимо него с важным видом, хотя на лесную тропу свернула чуть ли не бегом, так хотелось увидеть, на какой странице Генри оставил закладку.

Окно оказалось открыто, и один ставень чуть отошёл от стены, зацепившись нижним краем за скамью. Я поставила туда корзину, приподняла ставень, чтобы сдвинуть её подальше, и почувствовала, как мне в основание большого пальца вошла щепка. Она встала поперёк, так что даже подцепить её ногтем у меня не вышло, а когда я сжала ладонь, она скользнула ещё глубже.

— Дайте посмотрю, если позволите, — сказал Генри, и я только тут заметила его у окна с книгой в руке. — Перестаньте сгибать палец, она так уйдёт под кожу. Я позову Пат-

рика, если вам будет спокойнее с ним.

Я положила ладонь на подоконник и сказала, что вполне обойдусь тем человеком, который уже здесь. Генри отложил книгу и выдвинул из-под рамы защёлку, чтобы распахнуть створку шире. Он осторожно взял меня за запястье, развернул руку к свету и попросил подождать, пока достанет из ящика маленький пинцет.

— Вы так строги к моему ставню, что я начинаю опасаться за всю остальную мебель, — сказал он, вернувшись с пинцетом и сложенным платком. — Я уже дважды обещал Патрику его оструж ить, только он оба раза догадался предложить мне сделать это снаружи. Скажите, если будет больно.

Я приготовилась ответить, что при моей работе за каждую царапину не накричишься, и не успела. Генри подхватил пинцетом край щепки и потянул её наискось, по тому же ходу, по которому она вошла, и на белом платке осталась длинная тонкая игла. Я наклонилась к руке и увидела каплю крови. Генри всё ещё держал меня за запястье.

Он открыл стоявший на столике кувшин, плеснул на край платка немного воды и осторожно смыл кровь. Большой палец другой руки он прислонил к моей ладони, удерживая кожу, пока прикладывал чистый угол ткани, и мне отчего-то стало трудно следить за тем, что он делал. Когда я замолчала на половине благодарности, я заметила, как дрогнули его пальцы и как поспешно он принялся искать конец платка, который уже держал.

— Вчера мы оставили мальчишку у развилки, — напомнила я, глядя на книгу, хотя могла бы с закрытыми глазами сказать, как лежали его пальцы на моём запястье. — Начните с того места, где он ищет рулевого, а я послушаю. По крайней мере узнаю, стоят ли мои рассуждения о сапогах хоть одной лепёшки.

Он завязал платок сбоку, чтобы узел не мешал сомкнуть пальцы, и придвинул книгу к себе свободной рукой. Я оставила ладонь на тёплом подоконнике, а Генри, читая, ещё раз придержал край платка, когда тот съехал, и его пальцы остались поверх моих. Юнга в книге присел у развилки, решив сперва проверить, куда кто ушёл по следам, но чтение теперь шло так медленно, словно он и в самом деле искал их на каждой строчке.

Я всякий раз брала цветы в руки прежде, чем успевала рассмотреть их как следует, и по одному касанию знала, где у стебля кончались листья. Про Генри я пока могла сказать только, что он держал книгу правой рукой, а левой, когда нервничал, тёр большим пальцем сгиб указательного. Теперь этот палец лежал у меня на повязке, и я поймала себя на том, что хочу, чтобы он читал ещё медленнее.

По двору прошёл Патрик, на этот раз так торопливо, что ни разу не оглянулся на конюшню, где с утра стучали молотком. Он нёс письмо, сложенное вдвое, с тёмной печатью посередине и остановился прямо под окном. Генри резко убрал руку, словно его застали над раскрытым чужим письмом, а я

увидела на воске кабанью голову под косой чертой, точь-в-точь такую, какую ставил на расписках управляющий барона Вейла.

Патрик передал письмо через окно и сказал, что человек барона привёз его верхом, спрашивал, когда ждать ответа, и теперь поит коня. Я поправила платок на ладони и подумала, что всего несколько дней назад мать хранила под такой же печатью бумагу с расчётом оброка. Отец бывал у управляющего чаще нас обеих, а вернувшись с работы, иной раз не мог разогнуть пальцы после целого дня с заступом.

Генри вскрыл письмо ногтем и сперва прочёл его молча, водя взглядом по коротким строчкам. Потом отогнул лист и посмотрел на оборот, словно ждал там продолжения. Оказалось, барон предлагал встретиться и обсудить покупку права на воду из графского источника, а цену написал так тщательно, что все остальные слова казались припиской к сумме.

— Вейл никогда прежде вас об этом не просил? — спросила я, всё ещё держа раскрытую лепёшку в корзине. — В деревне говорят, что воды в канаве убавилось. Отец с соседями расчистили низ, а у нашего мостика всё равно едва есть чем наполнить ведро.

Генри сложил письмо печатью вверх и положил его под книгу, чтобы ветер не перевернул лист. Он сказал, что этого предложения не ждал, и спросил, по какой канаве вода шла к полям, пока её хватало. Я описала всё, что знала, от перехода, который чинил отец, до нижних садов, а потом вспомни-

ла его разговор за ужином про брёвна под каменным шлюзом.

— Чего он хочет от вашего источника? — спросила я, закончив. — Если ему надо вернуть воду на поля, он мог ведь об этом прямо написать. А здесь, судя по всему, есть только цена и просьба встретиться.

— Так и есть, — ответил Генри и снова вытащил письмо из-под книги, теперь уже так, чтобы я могла сама взглянуть на строчки. — Сумма хорошая, а что именно он надеется купить за неё, я узнаю, когда подниму планы и бумаги. До тех пор пусть его человек скажет, что я прочёл письмо и отвечу позже.

Он попросил Патрика передать это всаднику и записать, в какой день тот приезжал. Патрик кивнул, а я спросила, тот ли это шлюз, что стоит у старой просеки, потому что отец мог бы показать, где они когда-то вытаскивали брёвна. Патрик ответил, что шлюз ближе к дому, за садом, и что от просеки к нему можно подойти по каменным плитам, если смотреть под ноги и идти засветло.

— После дождя там скользко даже в добрых сапогах, — добавил он, оглянувшись на мою корзину, словно в ней уже лежал план побега к источнику. — Так что, если захотите взглянуть, дайте мне знать и дождитесь утра. У нижней плиты тень держится долго, я вам покажу, куда удобнее ставить ногу.

Патрик ушёл к конюшне, и я увидела, что от солнца на

дворе осталась полоска вдоль стены. Генри снял со своей книги письмо и убрал его в ящик, куда только что ходил за пинцетом. Книга осталась раскрытой, а я разломила одну лепёшку и протянула ему половину, и показала, сколько сыра торговка завернула в тесто.

Мы съели лепёшку у окна, каждый на своей стороне, а солонка так и простояла на столике у Генри. Он открыл было рот, чтобы заговорить, и вместо этого собрал крошки на ладонь и высыпал наружу, где под скамьёй их уже отыскивала воробьиная пара. Потом взял книгу и показал мне овсяную закладку, оставшуюся наполовину снаружи.

— Вы можете прийти завтра пораньше? — спросил он, вернув книгу на подоконник. — Мне хотелось бы кое-что показать вам в саду за гостиной, там всё видно с террасы. Лучше всего прийти к рассвету, пока в доме тихо и Патрик ещё не принялся считать, сколько ему надо поленьев на день.

— Завтра ярмарка, и я всё равно выйду спозаранку, — сказала я, прикинув, когда придётся подняться, чтобы собрать положенные цветы. — Пойду длинной дорогой, там я уже помнила каждую кочку, даже в сумерках. Если мне понадобятся лишние руки для букета, подержите бечёвку, пока я его свяжу?

Генри обещал, и я взялась за ручку корзины, приготовившись идти. Он окликнул меня, когда я уже отошла на один шаг, и я развернулась, едва не зацепив краем корзины многострадальный ставень. Генри придерживал раму и смотрел

мне прямо в глаза. Он положил её на подоконник ладонью вверх.

— Из всей недели я теперь жду тех дней, когда вы приносите цветы, — сказал он. — Сегодня заказа не было, а я открыл окно раньше, чем Патрик взялся накрывать к обеду. Уже тогда думал, что, если вы всё-таки придёте, у меня будет под рукой книга.

Я сказала, что возьму с собой мяту, потому что больше ничего толкового в ту минуту придумать не могла. Генри улыбнулся и остался у окна, пока я дошла до ворот, а я за воротами развязала платок и осторожно согнула палец. Крови давно не было, и всё же я снова завязала узел на том самом месте сбоку, где его завязал Генри, и понесла корзину домой в другой руке.

Глава 3

В имение я пришла ещё до того, как на конюшне вынесли первое ведро. Накануне Генри просил не опаздывать к рассвету, и я шла по длинной дороге так быстро, что в корзине у мяты обломились две верхушки. За воротами я остановилась отдышаться и увидела в нижнем окне свечу, хотя небо над крышей уже светлело.

Сад за гостиной начинался с узкой террасы, к которой можно было пройти вдоль стены. Я оставила корзину возле скамьи под окном и достала платок, которым Генри вчера перевязал мне руку. Вечером я выстирала его, просушила над печью и сложила вчетверо, как принято складывать одолженные вещи.

— Вот ваша собственность, — сказала я, когда Генри отодвинул створку и подхватил её за самый край, чтобы не стукнула о раму. — Если найдёте на нём подпалину, это оттого, что я очень торопилась вернуть его сухим. Мать сказала, минутой позже я уже несла бы вам горсть золы.

— За сухой платок большое спасибо, — ответил Генри и положил его на подоконник рядом со свечой. — А руку вы мне покажете? Вчера я долго думал, не слишком ли туго её перевязал, и отыскал в ящике второй платок на случай, если сегодня захочется попробовать ещё раз.

Я развернула к нему ладонь и показала точку у большо-

го пальца. Генри подался ближе и ухватился за подоконник, чтобы не задеть моей руки, а я вдруг вспомнила, как вчера он придержал край повязки, хотя я давно могла сделать это сама. Кожица уже затянулась, и я могла бы показать это издали, но ещё немного подержала ладонь в полосе свечного света.

— Бечёвку, помните? — спросила я, достав из корзины мяту вместе с последними белыми звёздочками тысячелистника. — Мне нужно, чтобы вы подержали её, пока я обойду стебли с другой стороны. С вашими руками получится быстрее, а если выйдет криво, я наконец смогу свалить это на кого-нибудь ещё.

Генри взял свободный конец и натянул его так добросовестно, что я выдернула из узла половину мяты. Мы начали сначала, на этот раз я показала ему, где подхватить петлю и в какой момент дать ей ослабнуть. Он смотрел, как я складываю стебли, и наклонился так близко, что одна прядь упала ему на глаза. Когда я сказала, что теперь нужно тянуть, он шепнул мне в ответ, что опять забыл, за какой конец.

Я засмеялась и хотела сказать, что придётся поставить ему в счёт обучение, когда за террасой назвали какую-то лейку. Женщина попросила оставить лейку, потом немного помолчала и добавила, что сама её унесёт. Голос был близкий и спокойный, с такой интонацией обычно окликают человека, который уже собирался помочь.

Я подумала, что за углом стоит садовница, и из вежливо-

сти отозвалась, что лейки не трогала. Там было прохладно, слышно было, как вода капала с плиты на плиту, а ответа не последовало. Я положила цветы на скамью и пошла вдоль стены, стараясь ступать по сухим краям камня, как вчера советовал Патрик.

— Салли, вернитесь к окну, — сказал Генри, когда я почти дошла до угла. — Отсюда её лучше слышно. Подождите ещё немного, сейчас она опять начнёт.

Я остановилась и оглянулась на него, потому что уж очень странно прозвучало это «опять». Генри стоял у окна с зажатым в руке концом бечёвки, совсем забыв, что я его отпустила. Пока я возвращалась к скамье, женщина попросила оставить лейку, выдержала ту же паузу и тем же ровным голосом добавила, что сама её унесёт.

На этот раз я смотрела, откуда доносились слова. Мимо верхушки стены проползла тень от ветки, на мокром камне под ней лежал сорванный лист, а за оградой первые лучи добрались до мелких белых цветов. За всё время там никто не пошевелился, только Генри у окна коротко втянул воздух, словно по моему лицу понял, что я снова услышала голос.

Он положил бечёвку на подоконник и попросил меня пройти до двери, которая вела из гостиной на террасу. За дверью отодвинули засов, и Генри появился в проёме, придерживая створку рукой. Он остался на деревянном полу, где кончалась дорожка с потёртым краем, и указал мне вдоль низкой ограды, к кусту с белыми цветами у старого шлюза.

— Его посадила Лилия, — сказал Генри и чуть передвинул руку на створке, чтобы мне было видно, куда он показывает. — В первый год просила посадить ближе к воде, потому что дважды за день таскала лейки через весь сад. Я пообещал поставить у куста бочку, а она за утро перетащила туда весь куст.

Я подошла к ограде и заглянула вниз. Куст рос между верхней плитой и кладкой, наклонившись так, что на дальних ветках уже сидела роса, а ближние тёрлись об ограду. Один корень, толщиной примерно с рукоятку заступа, ушёл в щель между железной рамой заслонки и камнем, и внизу, где корень темнел, поблёскивала вода.

— Голос её? — спросила я, переведя взгляд с белых чашечек на Генри. — Когда я ответила про лейку, мне на миг показалось, что она сейчас скажет что-нибудь ещё. Я даже успела подумать, что стою у неё поперёк дорожки.

— Её, — сказал он, помолчав. — Я это узнал ещё в первые недели после похорон, пока ходил сюда каждое утро. Можно расспрашивать сколько угодно, она всё равно повторит, что тогда сказала.

Генри приложил палец к губам, когда смолкли слова о лейке. Я различила начало фразы, потом какой-то согласный, который мог быть первым звуком любого слова, и дальше за оградой слышалась одна вода. Генри сказал, что отсюда слышит всегда лучше всего просьбу про лейку, а всё остальное зависит от того, куда дует ветер и близко ли ты стоишь

к кусту.

— В одно лето источник сильно обмелел, — сказал Генри, проведя пальцем по тёмной полосе на створке. — С того окна видно, до какого камня доходит вода, и тогда она ушла ниже старого корня. По утрам стало тихо, хотя куст стоял в цвету. После дождя вода поднялась, и слова вернулись, а зимой, когда на ветках одни почки, я могу держать окно открытым сколько угодно.

За дверью на узкой полке стояла чашка с трещиной, и Генри вынул из неё одну сухую веточку, тонкую, как птичья лапа. На конце ещё виднелись чашечки двух цветков, и он подставил под них ладонь, когда я наклонилась посмотреть. Веточку он срезал в первое лето, принёс с водой в дом и на рассвете поставил у кровати, но из чашки не донеслось ни звука.

— Я потом ещё раз попробовал, — сказал он, возвращая ветку на полку. — Выбрал целую кисть и даже не дал ей завянуть до утра. Оказалось, я и у открытого окна могу услышать, если сидеть тихо и знать, когда она заговорит.

Я вспомнила, как легко он вчера сказал, что ждал меня у окна. Оказалось, у него был час, когда окно открывалось задолго до того, как на дороге могли послышаться мои шаги. Я не знала, долго ли он решался позвать меня в этот час и сколько раз до того смотрел на пустой двор, держа под рукой книгу, которой хотел меня задержать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.